

Светлана Томская

ТИХОНЯ В АКАДЕМИИ ДРАКОНОВ

RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 84.4(2Рос-Рус)
Т56

Томская С.

Т56 Тихоня в Академии Драконов /С. Томская — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 282 с.

ISBN 978-5-521-92474-5

Ректор магической академии поймал меня за руку на краже документа. Я на грани отчисления!

Родня девушки, с которой я поменялась, пройдя сквозь зеркальный портал, только и ждёт, когда меня выгонят, чтобы выдать меня замуж за знатного старика.

Почему же ректор медлит? И чего хочет от меня его дракон?

К тому же в академии начали пропадать адепты...

BIC FM
BISAC FIC027030

ISBN 978-5-521-92474-5

© Светлана Томская, текст, 2023
© Юлия Таланова, обложка, 2023
© RUGRAM, оформление, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

ПРОЛОГ. МНЕ СНИТСЯ РЕКТОР

Я ныряю под большой письменный стол и застываю. Глупо, ой как глупо. Дымок от сожжённого мной документа всё ещё висит в воздухе.

Я, правда, рассчитываю, что его никто не учует? Вошедший замирает в дверях. И я зажмуриваюсь.

Может, всё-таки это сон? Пусть это будет сон! Мне иногда снятся плохие сны, и когда становится совсем страшно, я всегда просыпаюсь. А сейчас я к тому же понимаю, что всё это только снится, значит, надо просто проснуться.

Вдох-выдох. Считаю до трёх. Осторожно открываю глаза. Ничего не изменилось. Сдерживаю разочарованный стон.

Появившийся так не вовремя человек всё ещё стоит в проёме. Вижу только силуэт его ног на фоне слабо освещённого коридора. И в тишине гулко стучит моё сердце. Не учует, так услышит.

Сжимаюсь в комок. Я мышка, меня здесь нет.

Незнакомец кашляет, как будто чем-то подавился, и делает шаг в комнату.

Может, он простыл? Вот была бы удача! Насморк, и уши заложило. Зайдёт и выйдет.

Но что ему делать здесь? Нового ректора, как сказала Эн-ния, ждут только к завтрашнему вечеру.

Щелчок замка. Я попалась. В голове роятся мысли о ма-няхках, перекрывающих жертве путь к отступлению.

Но в комнате вспыхивает яркий свет, и мысли о кошмарах окончательно развеиваются. Всё гораздо хуже. Я не сплю.

Мужчина ведёт себя уверенно, по-хозяйски.

Он делает несколько шагов мимо стола, некоторое время стоит у окна. А затем возвращается и опускается в кресло. Нога в светлом ботинке едва не касается меня. Я еле успеваю отползти и вжаться в тумбу стола.

— Ну и что тут мне оставили? — негромко говорит муж-чина, шуруша бумагами над моей головой.

И я понимаю, что это всё-таки и есть новый ректор, ко-торого за каким-то чёртом принесло на сутки раньше. А ещё я чувствую во всём теле дрожь, вызванную низким вибриру-ющим голосом. Если он так бормочет себе под нос, то, что будет, когда он гаркнет? Моя душа наполняется тихим вос-торгом. Красивые мужские голоса — моя слабость.

Ох, спохватываюсь: не в той я ситуации сейчас, чтобы млеть от бархатных ноток. Мне бы ветошью прикинуться. Или той же мышкой. Пока что вроде получается. В голове возникает отчётливый образ мыши, затихшей под веником.

Снова странный кашель, как будто мужчину что-то душит.

Простыл, всё-таки, — полусочувственно-полуобрадован-но думаю я, — поэтому и запаха сожжённой бумаги не учуял.

Но радоваться рано, стоит ему переставить ногу или просто вытянуть её, и всё — отползать мне больше некуда.

На моё счастье новый хозяин кабинета не собирается всю ночь корпеть над бумагами. Он встаёт из-за стола и, погасив свет, переходит в соседнюю комнату, оставив дверь открытой.

И я позволяю себе тихонько выдохнуть. Не заметил. Дав-лю в себе чувство облегчения. Рано, Лиска, рано. Вот при-

крыл бы он за собой дверь, можно было бы попытаться выскользнуть. А так луч света падает на то место, через которое мне надо проскочить к выходу. Энния сказала, что магии во мне нет, а, значит, ни один дракон меня не почувствует.

Дракон, — хмыкаю про себя. Она с такой убеждённостью сказала, что меня призвали в Академию, где обучаются драконы, что я даже не усомнилась тогда. Приняла как должное. А вот теперь червячок зашевелился. Что тут драконьего? Человек, как человек.

Осторожно выглядываю с той стороны стола, где тень погуще. И еле удерживаюсь от смущённого писка. Мужчина, видимо, решил лечь спать и уже начинает раздеваться. Хорошо хоть пока только рубашку снял. Он стоит босиком на фоне огромной кровати в одних широких светлых штанах. А сверху...

Пытаюсь закрыть глаза, но они предают меня. Невозможно не залюбоваться. Владелец низкого завораживающего голоса и внешне оказывается очень даже незаурядным, не драконом, конечно, но мужчиной, при взгляде на которого по телу бегут волны жара. А это точно ректор? Не слишком ли молод для такой должности?

Бодибилдеры, чтобы продемонстрировать кубики пресса и бугры прочих мышц, становятся во всякие специальные позы, а тут никакого напряжения, и всё на виду.

Сглатываю. Стоило рискнуть, чтобы такое увидеть. Мышцы не перекачаны и при этом обрисованы чётко, хоть анатомию изучай. Всё в меру, и сто процентов: никаких анаболиков.

Перевожу взгляд на лицо: гордый самоуверенный профиль, высокие скулы, но очень уж высокомерием веет, даже сейчас, когда он наедине с собой, прямо глыба льда какая-то. И длинные почти белые волосы, стянутые в хвост, только подчёркивают эту льдистость. Вот прям чувствуется, что дамский любимчик. Я такими предпочитаю издали восхи-

щаться, ну как картинами в музее. В реальной жизни от них лучше держаться подальше.

В общем, герой не моего романа, — констатирую с некоторым сожалением.

Мужчина берётся за ремень штанов. Ой! Вот к дальнейшему стриптизу я не готова.

Зажмуриваюсь и скрываюсь в своём убежище. Шорох. Воображение подсказывает, что мужчина избавился от последней детали своего туалета. Ещё минута. И я слышу короткий жалобный стон кровати, на которую опустилось нечто очень большое и тяжёлое. Свет гаснет, и всё затапливает мрак.

Фух. Почти спасена. Теперь дожидаться, когда он захрапит. Жду. Не храпит. Вот тут возникает сомнение. Что если он вообще не храпит? В моём воображении храпуны — это такие возрастные дяденьки с пивными животиками. А разве такой красавчик может издавать некрасивые звуки? Может, наверное, но почему-то не издаёт.

Тишина. Нет, больше ждать нельзя. Я должна выбраться отсюда. Понимаю, что щелчок двери меня неминуемо выдаст. Но этого не избежать. Тут, главное, при первом же звуке быстро выскочить в коридор и захлопнуть дверь. Пока проснётся да сообразит, успею добежать до лестницы.

«Тише, мыши, кот на крыше», — вспоминаю детскую считалочку, выползаю на четвереньках из-под стола и на мягких лапках крадусь к выходу. Хорошо, что ковер здесь мохнатый и пушистый.

Станный аромат, похожий на смесь цитруса с корицей, окутывает меня. Я протягиваю руку к замку. Но пальцы неожиданно натываются на что-то живое, твёрдое и горячее. В тот же миг моё запястье оказывается в капкане железных пальцев. И прямо над моей головой звучит низкий вкрадчивый голос:

— Ну-ка поглядим, что за тихая маленькая мышка забралась к нам в спальню.

ГЛАВА 1. АЛЛЕРГИЯ НА ПРЕДАТЕЛЬСТВО

— Нашла из-за кого переживать, — говорит Маринка, скептически поджимая губы. — Этот Антон ничего из себя не представляет. Мажор и избалованный маменькин сынок.

И я с ней абсолютно согласна... теперь, а вот раньше в упор этого не замечала.

Мы сидим в нашей любимой «Шоколаднице» через двор от колледжа. Я без аппетита ковыряю ложечкой мороженое с взбитыми сливками.

— Я не из-за него. Ты не понимаешь.

Ну вот как объяснить подруге. Едва я вычеркнула Антона из сердца и из своей жизни — не осталось ни ревности, ни желания его видеть. А тупая игла в сердце засела. То ли вторая, то ли третья, если отца с матерью считать по отдельности.

Предательство — вот что страшнее всего не свете.

Я вздыхаю, и Маринка снова воспринимает это по-своему.

— Ты очень красивая, Лиска. Встретишь ещё нормально-го парня. Влюбишься.

Я качаю головой:

— Не в этом дело, Мариш, вот скажи: твои родители счастливы?

Она пожимает плечами:

— Да вроде всё как у всех.

— Ну как ты думаешь, они любят друг друга?

— Ты скажешь тоже. Они уже скоро двадцать пять лет вместе. Это какая любовь столько протянет? Когда папка два года назад левака дал, вообще думала, разойдутся. Полгода были разборки, беготня туда-сюда, имущество делили, детей. Сейчас вроде притихли. Из-за братишек моих младших.

Маришкин энтузиазм, с которым она пыталась доказать мне, что жизнь прекрасна, несмотря на измену парня, как-то сразу сдулся.

Я приобняла её за плечи и виновато сказала:

— Прости, Мариш. Я не хотела.

— Да брось, я ж понимаю. Может, и лучше, что твои разбежались, хоть не мучают друг друга.

— Лучше-хуже, их просто нет в моей жизни, Марин, у каждого своя семья и новые дети. А от меня они просто откупаются. Я же взрослая — зачем мне папа с мамой? — мой голос срывается, и теперь уже Маринка сочувственно сжимает мою руку. — Но не в этом дело. Много ты видела счастливых семей без скелетов в шкафу? Без предательств.

— Э, Лиска, не начинай свои формулы выводить. Что ж теперь, с парнями не встречаться? Жизнь продолжается. А давай вечером в клуб сходим?

В этом вся Маринка. Только что грустила, и уже снова хвост трубой.

Я улыбаюсь и мотаю головой.

— Не хочу, да и сессия скоро.

— Ну смотри, ты это, если в подушку соберёшься реветь, то звони, моё плечо надёжнее.

— Я знаю, — а вот сейчас глаза начинает щипать, и я поднимаюсь из-за стола. — Я побегу?

Быстро смаргиваю слезинку. Ещё подумает, что я из-за Антона. А на самом деле нет у меня, кроме Маринки, чело-

века, которому я могла бы доверять. Из-за этого и впадаю в сентиментальность.

Подруга кивает:

— А я посижу ещё, тут один пирожочек глазками своими меня так и ест.

Я смеюсь, кладу на стол купюру и направляюсь к выходу. Успеваю заметить, как к Маринке, невозмутимо потягивающей молочный коктейль, подходит высокий парень. Интересно, этот «пирожочек» у неё надолго? Моя подруга — настоящая красотка с модельной внешностью. Натуральная блондинка с волосами до попы, высокая и со всеми положенными выпуклостями. Ну грудью меня тоже бог не обидел, но вот ростом я не вышла: Маришке до подмышки. Она и относится ко мне как к дитю неразумному. Так что зря я тут ныла. Когда хотя бы один такой человек рядом есть, ты не одинок.

Домой я вернулась в ровном настроении. Садиться за учебники не хотелось. Может, стоит хотя бы разок просто выпастаться? Я это заслужила. Сердце всё ещё саднило, но не из-за тоски по предателю, а просто от мысли о том, что такая гадость, как предательство, в принципе, существует.

Прежде чем идти в ванную, взглянула на экран мобильного. Усмехнулась: шестнадцать пропущенных от «Любимого». Вот это меня покорило. Переименовала в контактах «Любимого» на «Гада», немного подумала и заблокировала номер.

— Это не то, что ты подумала, — заявил Антон, когда сегодня, заглянув на переменке в аудиторию выпускного курса, обнаружила в пустом помещении целующуюся парочку. Высокая брюнетка постанывала в объятиях Антона, а тот, кого я записала в своём мобильнике как «Любимого», впившись пальцами в пышный зад девицы, страстно вжимал её в свой пах. Девица извивалась всем телом и тёрлась об него

своими выпуклостями. Зайди я, наверное, чуть позже и за- стала бы более откровенную сцену. Но мне и этого хватило.

Незаметно уйти не удалось, Антон меня увидел, догнал на выходе из колледжа.

— Ты не понимаешь, Лисичка, это всё несерьёзно. Для меня существуешь только ты. Она просто...

— Для здоровья? — у меня получилось улыбнуться. — Я всё понимаю, Антон. Иди к ней, не обижай девушку.

Развернулась и пошла по парку, который начинался сразу же за территорией колледжа. Антон всегда был таким обходительным, чутким, совершенно не похожим на других парней.

Человек, схвативший меня за плечо так, что я вскрикнула от боли, не мог быть тем прежним Антоном.

— Что ты себе вообразила, принцесса? — цедит Антон с искажённым до неузнаваемости лицом. — Я что, плохо за тобой ухаживал? Ручки целовал, дверь перед тобой открывал. Берёг твою чистоту. Родителей предупредил, что в эти выходные невесту в гости привезу. Да я уже кольцо купил. Не будешь артачиться, вся жизнь будет ковравыми дорожками выстелена. У меня амбиции. Я лет через десять мэром буду. И мне жена нужна надёжная, порядочная, такая, как ты, а не проשמандовка. Та девка, с которой ты меня видела, — мусор, однодневка.

Моё слегка обалдевшее состояние Антон воспринял как готовность понять и простить. Облапил, прижимая к себе так, что я почувствовала его возбуждение, и впился в мои губы. И тем самым языком, которым только что облизывал ту, другую, кого назвал мусором и однодневкой, начал толкаться в мой рот.

Выручил меня проходивший мимо препод. А, может, не меня, а его. Потому что, получив коленом в причинное место, и с расцарапанной физиономией мой бывший больше был похож на жертву. Воспитывать сына мэра Игорь Вади-